

Глава 14. Пятицветное киноварное дерево

Дождь в то утро лил несильный. Чжао Ци поднялся ни свет ни заря, разбудил Тао и попросил составить ему компанию — еще раз проверить водоотводные канавы.

— Ты же им уже помог, зачем опять туда идти? — буркнул Тао, вспомнив про киноварные деревья в роще, и недовольно надулся.

Чжао Ци с улыбкой ущипнул его за щеку:

— Чего ты? Разве не хочешь набрать еще плодов? Нам скоро в путь, нужно запастись провизией. К тому же у меня на родине говорят: коль взялся помогать, так доводи дело до конца.

Он немного помолчал и добавил:

— Или можешь остаться в пещере, отдохнуть. Только никуда не убегай. А я заодно поднимусь на вершину, осмотрю окрестности и сразу назад.

«Этот смертный и понятия не имеет, как здесь опасно. Если та тварь из рощи киноварных деревьев уцепится за Чжао Ци... Хм».

— Ладно, пошли, — сдался мальчик.

Чжао Ци так и не понял, почему ребенок вдруг надулся, но лишь мягко улыбнулся и накинул на него соломенный плащ-дождевик.

Неизвестно, когда утихнет этот затянувшийся дождь. И уж тем более не угадать, когда вождь Фэн снова потребует, чтобы они убирались. А значит, нужно подготовиться как следует.

Стоило им приблизиться к роще киноварных деревьев, как ветви киноварных деревьев затрепетали, приветствуя Чжао Ци. Листья и тяжелые плоды радостно заходили ходуном, разбрызгивая скопившуюся дождевую воду во все стороны.

Вырытая за пределами рощи яма уже до краев наполнилась водой. Чжао Ци мысленно приказал корням киноварных деревьев отвести воду в сторону, а затем заставил их засыпать яму обратно... Грунтовые воды прибывали стремительно, но даже такая мера была лучше, чем ничего.

Когда Чжао Ци и Тао углубились в рощу, деревья по обе стороны тропинки заметно оживились. Те, что росли ближе к Чжао Ци, ластились к нему, изо всех сил вытягивая ветви с плодами, словно пытаясь всучить их прямо в руки. Те же, что стояли со стороны Тао, оцепенели от

страха, не смея даже шелохнуться. Лишь дальние ветви робко пытались дотянуться до него в обход грозного спутника.

Канавы под деревьями уцелели: земля почти нигде не осыпалась, и по ним весело журчали дождевые потоки. Чжао Ци мимоходом прижал ладонь к шершавому стволу ближайшего киноварного дерева. Дерево тут же отозвалось волной искренней радости и глубокой, безмолвной благодарности.

— Не за что, — тихонько рассмеялся Чжао Ци. — Вот если бы кто-то из племени постоянно следил за этими канавами... Тогда бы вас точно не затапливало в сезон дождей. Глядишь, и урожай плодов стал бы куда богаче.

Тао уже привык к странным словечкам, которые время от времени слетали с языка мужчины. Но если эти разговоры услышат соплеменники, Чжао Ци несдобровать!

К тому времени как они обошли всю рощу, руки Чжао Ци были доверху забиты плодами киноварных деревьев. Пересыпав охапку в подол дождевика Тао, он ласково коснулся пальцем его нахмуренного лба:

— Чего опять бровки домиком? Ну-ка, выше нос! Идем на гору!

Чжао Ци размял затекшие ноги, с азартом оглядел крутой склон и крикнул:

— На счет «три» бежим наперегонки до самой вершины! Кто первый? Три... два... один!

«Глупость какая! Ну что за ребячество!»

Даже киноварные деревья по бокам поспешно втянули свои ветви, боясь ненароком задеть этих двоих.

Ворча про себя на несусветную глупость затеи, Тао тем не менее не выдержал: завидев, что Чжао Ци уже успел уйти в отрыв, он незаметно вильнул хвостом и пропустил следом.

Дождь и ветер хлестали по лицам, звонкий смех Чжао Ци разносился над притихшей рощей, смешиваясь с густым, приторно-сладким ароматом созревающих плодов киноварных деревьев. Не отставая ни на шаг, Тао замороженно смотрел на широкую спину мужчины и вдруг выпалил:

— Чжао Ци!

— А? Что такое?.. — Чжао Ци обернулся и притормозил, но Тао, промчавшись мимо него стремительным вихрем, оставил после себя лишь смазанный силуэт.

— Ах ты хитрюга! — расхохотался Чжао Ци. — Ах ты маленький жулик! Ну держись, догоню — защекочу до смерти!

Он прибавил ходу. И сквозь завывания ветра ему показалось, что впереди тихонько фыркнул от смеха упрямый мальчишка.

Взбежав от подножия к самой вершине, оба тяжело, со свистом выдыхали воздух. Чжао Ци уже собирался сгрести Тао в охапку и выполнить свое обещание, но внезапно замер как вкопанный, пораженный представшим перед ним зрелищем.

Снизу, из долины, где ютилось племя, холм казался покрытым сплошным ковром обычных деревьев. Никто и подумать не мог, что на самой вершине высится этот древний исполин!

Пышная, багряная крона киноварного дерева раскирывалась над ними гигантским, вздымающимся облаком. Она была настолько огромной и густой, что почти полностью застилала небо, пропуская лишь редкие, тусклые лучи света. Казалось, они перешагнули порог какой-то древней, таинственной сказки. Чжао Ци завороченно вздохнул и стянул с головы соломенную шляпу. Он смотрел с неподдельным восхищением. Тао стоял рядом, непривычно притихший и серьезный.

Не успел Чжао Ци прийти в себя, как пышные алые «облака» над его головой зашевелились. Листья зашуршали, затрепетали, складываясь в мерный, ритмичный шепот, и на мгновение мужчине почудилось, будто сквозь этот гул доносится чистый голосок поющей девочки.

— Ого! — только и успел выдохнуть он.

Огромные багряные ветви вдруг качнулись и потянулись прямо к нему, бесцеремонно отпихнув в сторону стоявшего рядом Тао. Тот не удержался на ногах и шлепнулся в траву. Чжао Ци мгновенно оказался укутан плотным коконом из листьев и гибких побегов: дерево ластилось к нему всем своим существом, выражая бурную, почти детскую радость. Щекочущие листья скользили по лицу, шее и рукам, заставляя мужчину залиvistо хохотать.

— Да погоди ты! Щекотно же, перестань!

Кое-как раздвинув настырные ветви, Чжао Ци огляделся и увидел Тао. Мальчик сидел на земле и обиженно тер ушибленное колено, на котором уже проступало багровое пятно. Когда он растерянно поднял взгляд на мужчину, все ветви исполинского дерева вмиг замерли, словно испугавшись содеянного.

В больших круглых глазах ребенка заблестели слезы — удар о каменистую почву явно вышел болезненным, но из упрямства он не проронил ни звука.

— Ах ты ж горе мое, — вздохнул Чжао Ци.

Он решительно растолкал шуршащую листву, подошел к Тао, бережно поднял его на руки и легонько похлопал по спине, успокаивая.

— В следующий раз держись за меня крепче, чтобы эти хулиганы тебя не сбивали с ног.

Прикосновения мужчины были невесомыми и теплыми. Тао уткнулся носом в его плечо, свесив голову. Окружавшие их ветви киноварных деревьев застыли, словно боясь дышать. Чжао Ци негромко рассмеялся, сорвал с ближайшего побега спелый плод и вложил его в ладошку мальчика:

— На, держи. Поешь плод киноварного дерева, и все как рукой сняло.

Почувствовав легкий толчок в спину, Чжао Ци обернулся и так и замер. Прямо перед его носом покачивалась толстая ветка, на которой, словно гроздь спелого винограда, висела целая связка связанных за хвосты ушастых мышей с серо-белым мехом. Чжао Ци инстинктивно отпрянул назад, едва сдерживая рвущееся с языка крепкое словцо.

Ушастые мыши висели рядком под самым его носом, синхронно и уморительно помахивая своими длинными, пушистыми хвостами.

— Это... это что, нам? — ошеломленно пробормотал он.

— Пф-ф! — фыркнул Тао.

Он крепче обхватил Чжао Ци за шею и испепелил взглядом огромную крону дерева.

«Ишь, подлизывается! Деревяшка никчемная... Дрянь! Не будь здесь Чжао Ци, в один присест бы сожрал!»

— Чжао Ци, не бери у нее ничего, — буркнул мальчик.

— Но тут же столько ушастых мышей...

Когда детские ручонки сжались на его шее еще сильнее, Тао упрямо прошептал:

— Я сам тебе наловлю. Сколько захочешь.

Чжао Ци так и покатился со смеху. Его грудь мерно вздрагивала, и Тао, прижавшись к нему, отчетливо чувствовал ровное, сильное биение чужого сердца. Мальчик незаметно сжал кулачки.

«Ничего, вот уйдет Чжао Ци, я вернусь и знатно проучу эту деревянную выскочку».

— Зачем же отказываться от такого подарка? — отсмеявшись, мягко возразил Чжао Ци. — Заберем их с собой. Из шкурок ушастых мышей выйдет отличная, теплая одежда для тебя. Будешь у меня самым нарядным!

Услышав, что все это затевается ради него, Тао почувствовал, как глухая, беспричинная злость мгновенно улетучилась. Он разжал кулаки и тихонько угукнул:

— Ладно.

— Спасибо тебе! Мы с радостью примем твой дар, — поблагодарил Чжао Ци дерево.

Исполинское киноварное дерево легонько качнулось, и ветка со связанными ушастыми мышами послушно скользнула Чжао Ци прямо в руки. Добыча оказалась на удивление увесистой.

— Ну что, давай пройдем вон туда, посмотрим на окрестности? С такой высоты наверняка виден весь горный хребет... Ой-ой-ой! А-а-а!

Договорить он не успел. Гибкие побеги киноварного дерева внезапно обвилились вокруг его талии и ног и с невероятной скоростью устремились ввысь. Ощущение было такое, будто они летят на безумном аттракционе. Ветер со свистом забил в уши, срывая дыхание. Чжао Ци изо всех сил прижал к себе испуганного, как ему казалось, ребенка и закричал во все горло:

— Не бойся! Держись за меня! Остановись, глупое дерево!

Буквально через несколько секунд подъем прекратился. Ветви бережно вытолкнули их на самую верхушку кроны, надежно удерживая в вертикальном положении на упругом сплетении ветвей.

Что и говорить... На такой головокружительной высоте воздух обжигал холодом, зато вид открывался просто неопиcуемый.

Живой лифт поднял их выше самой высокой точки горы. Теперь они стояли на вершине мира, и вся долина лежала перед ними как на ладони.

Уходящие вниз по склону рощи киноварных деревьев колыхались под порывами ветра и дождя, напоминая бушующее багряное море, накатывающее волна за волной и приносящее с собой тонкий, сладкий аромат. Верхняя часть склона полыхала ярким багрянцем, тогда как у самого подножия холм казался самым обычным — там колыхалась сочная зелень, сквозь которую едва угадывались очертания стоянки племени Дань.

Широкая река брала свое начало на юго-восточном склоне и, сбегая к подножию, извилистой лентой уходила к соседнему величественному пику. Кругом, куда ни кинь взгляд, громоздились бесконечные горные цепи. На северо-западе высился исполинский пик, уходящий вершиной далеко за облака. Чжао Ци восторженно оглядывал эти бескрайние просторы, то и дело ахая от изумления.

— Гляди... Тао, посмотри туда! В ту сторону!

Он указывал пальцем вдоль изгибающегося русла реки. Водный поток терялся среди хребтов, но там, на самом краю горизонта, тускло поблескивала водная гладь какого-то колоссального водоема.

— Это Великое море-болото, — тихо произнес Тао.

— Правда? Настоящее море?!

Чжао Ци мгновенно воодушевился. Тао молча всматривался в узкую полоску синевы на горизонте, а затем перевел взгляд чуть левее.

Отсюда до тех мест было невероятно далеко. Рядом с Великим морем-болотом должны выситься горы Куньлунь...

— Потрясающе! Спасибо тебе, киноварное дерево! Какое же ты удивительное дерево! — Чжао Ци ласково сжал обвившую его тонкую веточку с мягкими листьями.

Тао ревниво зыркнул на ветку, но та даже не подумала отпрянуть.

Не замечая безмолвного противостояния своего спутника и дерева, Чжао Ци задумчиво посмотрел вниз, на стоянку племени:

— Ты ведь здесь главная, верно? Настоящая королева рощи. Если бы соплеменники Фэна помогали вам расчищать каналы и отводить грунтовую воду, вам бы жилось куда легче в сезон дождей.

Ветка в его ладони в ответ слабо затрепетала, передавая волну смутной тревоги и недоверия. Чжао Ци с пониманием кивнул:

— Да, люди бывают разными. Но среди них есть и добрые. Можно позволить приходить в рощу лишь нескольким избранным.

Он немного подумал и добавил:

— А в благодарность за труды делитесь с ними плодами. Но если кто-то из них проявит жадность или попытается навредить — наказывайте без жалости.

Тао оторвал взгляд от горизонта и посмотрел на мужчину. Чжао Ци продолжал спокойно переговариваться с деревом, искренне пытаясь устроить все так, чтобы довольны остались обе стороны. Но зачем? Ведь люди из племени собирались прогнать его при первой же возможности! Да и сам Тао в прошлой жизни не видел от них ничего, кроме злобы и презрения.

— Спасибо за доверие, но я сделал лишь то, что было в моих силах, — Чжао Ци ласково погладил упругий стебель и крепче прижал к себе мальчика, вновь устремив взор к далекому морю. — Рано или поздно нам придется уйти. Я не смогу оберегать вас вечно.

— Ничего страшного. Чжао Ци... ты очень хороший.

Чистый, серебристый девичий голосок пронесся над вершиной холма, вплетаясь в шуршание мокрой листвы.

Прямо перед лицом мужчины закачалась тонкая веточка, на кончике которой, словно драгоценные камни, лежали пять маленьких плодов киноварного дерева, каждый своего цвета.

Тао пренебрежительно фыркнул. «Пятицветное киноварное дерево... Что ж, хоть какая-то польза от этой деревяшки».

<http://bllate.org/book/18215/1749454>